

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ ¹⁾).

1843.

Жизнь въ Крыму.

15-го Іюня 1843 года Юрій Никитичъ выѣхалъ съ семьею своею изъ Корепса, чтобы въ Симферополѣ посовѣтоваться съ докторомъ Мильгаузенемъ; больной возлагалъ большія надежды на лѣчение грязевыми ваннами. По дорогѣ онъ, какъ любитель ботаники, рѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ Гартвиса, директора Никитскаго сада, и пожить въ этомъ уже тогда образцовомъ учрежденіи. Предоставляемъ ему самому описывать свою поѣздку, такъ какъ дневникъ его за это время сохранился почти въ полномъ видѣ (конечно здѣсь приводятся только выдержки изъ этого дневника наиболѣе изображающія этого достопамятнаго человека). Ю. В.

Вторникъ, 15-го Іюня 1843. Никитскій садъ.

Собрались окончательно. Проснувшись еще рано поутру, я услышалъ проливной дождь, какого въ Россіи рѣдко бываетъ; мнѣ вообразилось, что такой дождикъ бываетъ подѣ тропиками. Сестра князева ²⁾ прислала къ намъ одного изъ своихъ поваровъ съ предложеніемъ изготовить намъ обѣдъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она прислала и свои припасы. Приходили прощаться Лиза, Ольга Карловна, управитель, у котораго я взялъ только что починенный въ Мисхорѣ шарабанъ; бричку съ кладью мнѣ привелось оставить, потому что проѣхавшій въ Алупку Крымскій губернаторъ забралъ лошадей: мнѣ досталось только четыре лошади. Вотъ, послѣ обѣда, помолвившись Богу, отправились въ путь; бричку обѣщали вслѣдъ за нами отправить часа чрезъ два. До Ялты десять или двѣнадцать верстъ ѣхали мы, наслаждаясь и природою, и свѣжестью горнаго воздуха; проѣзжали двѣ Оріанды, царскую и покойнаго графа Витта. При вѣздѣ въ городокъ встрѣтили мы князя Козловскаго, присовѣтовавшаго намъ ѣхать далѣе и не останавливаться въ трактирѣ, чтобъ дожидаться брички. На почтѣ я оставилъ бумагу, чтобъ

¹⁾ См. Р. Архивъ 1898, III, 516.

²⁾ Т. е. Елисавета Михайловна Кологривова, сводная сестра князи А. Н. Голицына, домашнимъ секретаремъ котораго жилъ Ю. И. Бартевевъ на южномъ берегу Крыма. Ю. В.

мои письма пересылать въ Симферополь. Поздненько уже мы отправились изъ Ялты; дождевыя тучи сбегались, но мы успѣли доѣхать до поворота въ Никитскій садъ. Дорога въ этотъ садъ довольно стремниста, мы вышли и пошли пѣшкомъ. Смеркалось; тѣни по дорогѣ было очень много; шарабанъ уѣхалъ впередъ, и даже звонъ колокольчика не былъ слышанъ, все молчало, и вотъ мы услышали говоръ людской; форейторъ озабочился идти къ намъ навстрѣчу, предполагая, не заплутались ли мы, и онъ шелъ въ сопровожденіи г. Гартвиса, директора Никитскаго сада, и его супруги, которые вышли встрѣтить утомленныхъ путешественниковъ. По приходѣ, горячій чай ожидалъ уже насъ, а вскорѣ и свѣжія постели со всѣми принадлежностями. Моя кровать была коротка; я худо спалъ, безпокойныя сновидѣнія тревожили меня. Поутру вяло и съ затрудненіемъ исполнялъ долгъ свой, около полудна сократилъ свое занятіе, если не по немощи, то по невозможности*). Самочестивое и адамическое самолюбіе нашептывало мнѣ о казуистической исправности моей.—Почтмейстеръ Ялтскій очень простъ мнѣ показался. Видѣлъ въ Ялтѣ Жидъ Бухштаба, который предлагалъ мнѣ квартиру; видѣлъ и аптекаря, пріѣхавшаго ко мнѣ на станцію и привезшаго спиртъ, которымъ я тру ногу и спину. Господи, да будетъ воля Твоя! Сохрани насъ грѣшныхъ невредимо!

Среда, 16-го Іюня. Никитскій садъ.

Я спалъ дурно, кровать была коротка; халата надѣть нельзя было, потому что онъ вмѣстѣ съ прочими вещами оставался въ бичкѣ. Дождь ливня лилъ, барометръ опустился. Пособіе большое однако было въ хозяинѣ; разговоры были съ нимъ безпрестанные; всякое слово его было плодомъ девятнадцатилѣтней опытности, ибо столько жить на южномъ берегу Крыма и управлять Никитскимъ садомъ, разведеннымъ съ 1812 года. Мнѣ больно было, что, послѣ столькихъ лѣтъ постоянного желанія увидѣть этотъ садъ, чаяніе мое не сбывалось; предъ обѣдомъ дождь поуменьшился, и хозяинъ пригласилъ меня пройтись по саду въ калошахъ и съ зонтикомъ. Дѣйствительно, было чего поглядѣть. Мы пошли по нижнему саду, который обращенъ къ морю. Это родъ Англійскаго сада; вездѣ деревья съ густою тѣнью и тамъ, гдѣ въ Англійскихъ садахъ разбросаны обыкновенныя деревья, въ саду Никитскомъ красуются деревья отборныя, имѣющія каждое свое значеніе. Надглядный, бѣглый взглядъ не оставляетъ ясныхъ и отдѣльныхъ впечатлѣній, и потому кое-что могу лишь припомнить изъ видѣннаго мною. Видѣлъ Калифорнскую

*) Т. е. такъ называемое „царственное дѣніе“, религіозно-аскетическое упражненіе, состоящее въ повтореніи съ извѣстными пріемами „молитвы Іисусовой.“ Ю. Б.

сосну, это родъ рѣдчайшаго и полезнѣйшаго пивуса; сосна порядочнаго роста и не въ одномъ экземплярѣ. Видѣлъ нѣсколько экземпляровъ тертуліи или Китайскаго зонтика съ вѣчно зеленымъ штамбомъ и широкими подтропичными листьями. Видѣлъ маленькую аллею, обсаженную по обѣимъ сторонамъ кустарниками, и эти кустарники суть все разнаго вида виноградъ, котораго здѣсь до трехсотъ сортовъ въ одномъ мѣстѣ собрано. Видѣлъ плющъ особеннаго рода, яркой зелени, который совершенно закрылъ стѣну теплицы; свойство его пускать корни въ оштукатуренную даже стѣну. Лавровыя деревья здѣсь прекраснѣйшія, они покрыты какимъ-то блестящимъ глянцомъ. Множество деревьевъ и кустарниковъ вѣчно зеленѣющихъ и листь которыхъ даже не опадаетъ и зимою. Видѣлъ нѣсколько новоголландскихъ растеній; эти въ кадкахъ или ящикахъ выставлены на воздухъ. Одно между ними растеніе, у котораго вмѣсто плода родъ щетки. Видѣлъ распрекраснѣйшую акацію также изъ Новой Голландіи. Кипарисы здѣсь свѣжи, высоки и величественны; они обыкновенно пирамидальны, но есть и другаго рода кипарисы, такъ называемые Восточные. Въ саду во многихъ мѣстахъ сохранились и прежнія деревья, которыя росли на этомъ мѣстѣ и тогда, какъ еще и садъ не существовалъ; они очень сохранились, соколиственны и громадны. Обыкновенно деревья эти или орѣшина, или ясень, терпентинное дерево. Николай Андреевичъ сказалъ, что эти аборигены не безъ гордости посматриваютъ на вытѣсняющее ихъ новое поколѣніе. Часто подъ этими старыми деревьями подѣланы лавочки, на которыхъ отдыхать можно. Сквозъ непересекающуюся тѣнь деревьевъ есть мѣсто, гдѣ можно видѣть и море въ грозномъ его величіи; городокъ Ялта съ его гаванью видѣется вправо отъ Никиты въ самомъ близкомъ разстояніи, хотя по горамъ мы немалое проѣхали разстояніе. Дождикъ снова ливня полилъ, и мы принуждены были возвратиться съ домой, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ, за которымъ отвѣдывали мы до десяти сортовъ стараго вина, изготовляемаго также подъ непосредственнымъ присмотромъ самого хозяина. Вино было отличное, особенно подъ именемъ стараго Испанскаго мушката; пробовали мы вино и изъ винограда изабель, который такъ мнѣ нравится. Бургонскія красныя вина также отличнѣйшія; словомъ, въ отношеніи винъ желать лучшаго невозможно. Дождь ливня продолжалъ лить, и хозяинъ сказывалъ, что онъ не запомнить подобнаго случая во всѣ девятнадцать лѣтъ своего пребыванія въ Крыму; столь продолжительные дожди въ Іюнь почти никогда не бывають на Южномъ берегу. Хозяинъ показывалъ мнѣ проектъ заготовляемаго имъ каталога растеніямъ, который богатствомъ именъ затмитъ всѣ прочіе каталоги въ Россіи. Г. Гартвисъ, кромѣ казенной, имѣетъ и свою библіотечку; кромѣ ботаническихъ книгъ, у

него есть и многія другія. Я видѣлъ шесть или семь толстыхъ томовъ Риттерова описанія Азіи, сочиненія котораго я еще и самъ не зналъ, хотя мнѣ и извѣстно было Риттерово описаніе Африки; въ шкафѣ его есть и Кальдеронъ, есть любимый имъ Гёте, а Шиллеръ, по словамъ его, болѣе сподрученъ юношамъ. Дождь лилъ не перемежаясь, и онъ все поглядывалъ въ окошки и выходилъ на балконъ; я самъ очень тосковалъ, но не хотѣлъ этого показывать. Безпрестанно поглядывали на барометръ, но надежда была плоха. Заснули, уповавъ на милость Божию: авось либо время переимѣнится. Поутру я исполнилъ свою обязанность, но все таки минутъ двадцать пять отнялъ отъ положеннаго времени: часа и пяти минутъ. Я много болталъ, много пробовалъ вина и много разсѣвался въ этотъ дождливый день моего путешествія.

Четвертокъ, 17-го Іюня. Станція Біюкъ-Ламбатъ.

Просыпаясь поутру, я трепеталъ о погодѣ; къ счастью она оказалась ясною. Дождь унялся, солнце сіяло Іюньскимъ свѣтомъ. Напившись чаю, хозяинъ пригласилъ насъ на ботаническую экскурсію. Мы снова прошли около Линнеева памятника, которому во время даже самаго дождя мы съ хозяиномъ отвѣсили по низкому поклону. Теперь мы пробрались въ такъ называемый верхній садъ, котораго вчера не видали. Площадки верхняго сада обширныя; на нихъ выросли деревья и заведена школа, принадлежащая нѣкоторымъ сродственнымъ фамиліямъ, напримѣръ, площадка съ абрикосами, персиками, сливами возможныхъ видовъ и вкусовъ. Посрединѣ площадокъ устроены дорожки, способствующія прогулкѣ. Хозяинъ повелъ насъ въ обширное отдѣленіе, гдѣ помѣщены лѣсные деревья Сѣверной Америки и прочихъ странъ. Я видѣлъ прелестныя ясени, которыхъ въ саду до тридцати сортовъ; видѣлъ буковъ, видѣлъ кленовъ, между которыми одинъ видъ клена Канадскаго, и въ немъ заключается чистѣйшее вещество для сахара. Видѣлъ кедръ Ливанскій порядочный уже ростомъ. Видѣлъ Сѣверо-американскіе орѣхи двухъ родовъ, величественныя и граціозныя деревья. Видѣлъ собраніе дубовъ и между ними видъ Американскаго, разпространѣннѣйшій съ широкими и матово-зелеными листьями. Видѣлъ помѣщеніе для пинусовъ; здѣсь сосны и ели Чилийскія, Китайскія, всякія, и все это должно приносить вкусный плодъ въ свое время. Это отдѣленіе сада особенно меня завяло; кое-гдѣ разбросаны купы старыхъ деревьевъ, дающихъ прохладную тѣнь во время зноя. Находившись съ Варенькою и хозяиномъ досыта, мы возвратились отдохнуть въ домъ, а потомъ по приглашенію хозяина и вновь пустились въ другой уже разъ. Опять пошли вторично съ Варенькою и г. Гартвисомъ въ нижній садъ; на сей разъ дождь намъ не мѣшалъ. Мы посѣтили и тѣ от-

даленныя отдѣленія сада, въ которыхъ вчера не были по причинѣ дождя. Въ нижнемъ концѣ сада остановила вниманіе наше дубовая рощица, но изъ такихъ дубовъ, которыхъ въ Россіи не увидишь въ натуральномъ грунтѣ. Хотя деревья и называютъ дубами, но они не дубы, а скорѣе пробочныя деревья *chênes-lièges*, ибо изъ ихъ корки добываются наши обыкновенныя пробки; Гартвисъ срѣзалъ немного и предложилъ нашей спутницѣ. Недалеко отъ этой замѣчательной рощицы, другая не менѣе занимательная роща изъ старыхъ миндальныхъ деревьевъ насъ встрѣтила. Г. Гартвисъ сказывалъ намъ, что не только тѣ деревья отцвѣли благополучно, но даже завязался и плодъ, какъ вдругъ зловѣщій морозъ поразилъ и сжалъ своимъ холоднымъ дыханіемъ. Недалеко отъ мѣста сего я замѣтилъ нѣсколько деревьевъ инжира или фиговыхъ; такого роскошства въ прозябаніи я еще мало видывалъ: это дерево по своему штамбу, большимъ бархатистымъ листьямъ и какому-то особенному выраженію, очень похоже на подтропичное. Въ мѣстахъ, не занятыхъ кустарниками, особенно возлѣ дорожекъ, насажены цвѣты и пахучія растенія; въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ и чудную луцерну, которую и здѣсь можно скашивать по четыре раза въ годъ, между тѣмъ какъ въ Испаніи она скашивается и болѣе разъ. Эта трава похожа на траву картофеля, и я ее видѣлъ довольно высокою и разложистою не болѣе какъ послѣ четырехъ дней перваго скошенія. Не надобно тогда овса лошадямъ, когда бы можно было кормить ихъ одною луцерною; бояться лишь ее давать, потому что скотъ объѣдается ею и заболѣваетъ. Я сказалъ о благовонныхъ растеніяхъ: по окраинамъ дорожекъ стелются густыя полосы Лавандулой травы; она здѣсь такъ обыкновенна, какъ клеверъ въ Россіи; сѣютъ ее и въ Лифляндіи, но на зиму закрываютъ соломой, здѣсь же она пахуча и растительна и отдана подъ сохраненіе неизмѣнной теплоты Крымскаго воздуха, лишь для меня одного суроваго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около дорожекъ красуются пышныя цвѣты умильнаго для нихъ неба Тавріи. Здѣсь роза, вѣжвая, роскошная въ яркихъ отливахъ своего цвѣтенія, взбѣжала на высокое дерево и причудливо свѣтится красою своею между яркою и густою его зеленью. Эта роза смѣтливимъ Гартвисомъ названа графинею Воронцовою и извѣстна уже подъ этимъ названіемъ въ Гамбургскомъ и Англійскихъ каталогахъ садоводства. Любители непрерывъ ищутъ приобрести этотъ милый цвѣтокъ, эту особенную разность (*varietas*) розы изъ обширнаго ея поколѣнія. Иногда встрѣчается роза и другого рода, роза уединенная съ матовымъ отливомъ бѣлизны, неподражаемо свѣжимъ. Этотъ видъ цвѣтка называется роза *unica*, единственная. Мы встрѣтили цвѣтокъ: кавалерскую звѣзду, затѣйливую игру природы; встрѣтили райскій кринъ величавый и важный цвѣтъ, который напо-

мнилъ намъ библейское выраженіе. Но что болѣе тронуло меня, особенно въ отдаленныхъ отдѣлахъ сада, гдѣ красуются лѣсные деревья и кустарники, собранные со всѣхъ тѣхъ частей свѣта, гдѣ температура и широта хотя немножко а priori можетъ согласоваться съ Нигитскою: это дивныя лиліи. На высокихъ своихъ стебляхъ нѣжится этотъ благородный и скромный цвѣтъ всегда отрадный чистому оку по своей близости и свѣжести. Пріятно было взглянуть, какъ чародѣй Гартвисъ заставилъ виноградную лозу взбѣжать на высокое сѣнолиственное дерево; лоза смѣло повѣсилась и обвила станъ его, какъ бы зная, что это непротивно дереву. Отцвѣтшія лозы висятъ между листьями его и приводятъ въ недоумѣніе нагляднаго наблюдателя, что бы это было за прозябаніе? Нигитскій садъ есть обаяніе не для одного лишь чувства зрѣнія: проходя тропинками его, обаяніе періодически также поражается; различное благовоніе кустовъ не перемеживается и сопровождаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ до пріятнѣйшаго запаха цвѣта винограда, который, походя на резеду, разносится по воздуху, какъ благодарный гимнъ Творцу.

Пріѣхавъ въ Симферополь, Ю. Н. Бартеневъ поселился на приготовленной уже ему квартирѣ въ домѣ нѣкоего Ланга, доктора въ отставкѣ.

Суббота, 19-го Іюня. Гор. Симферополь.

Вчера посѣтилъ насъ хозяинъ здѣшняго дома и Е. Жегочевъ, Петербургскій знакомецъ, который и сегодня приходилъ къ намъ и обѣдалъ, чѣмъ Богъ послалъ. Кухарка была хозяйская и невеликая мастерица, а та, которую заблаговременно для насъ наняли, та, какъ видно, отказалась. Жегочевъ доставилъ нѣсколько Русскихъ газетъ, продолженіе прочитаннаго въ Корейскъ. Принесли съ почты пространное и занимательное письмо отъ Максимовича и книги, назначаемыя имъ въ подарокъ для князя А. Н. Голицына. Тутъ приложено было и для меня сочиненіе Кудъша, романъ, гдѣ описывались Малороссійскіе нравы. Я погллодалъ его, но онъ мнѣ что-то не понравился. Еще письмецо изъ Петербурга отъ вдовы Скворцовой, и Французскій табакъ отъ Ив. Петр. Егорова. Тотъ же табакъ, что я привезъ изъ Корейска, для меня уже не годился, ибо плетеная бутылка, въ которой онъ находился, разбилась въ дорогѣ отъ небреженія моего камердинера. Я бы и не остановился описывать такую мелочь, если бъ я не сдѣлалъ по сему предмету великаго, безумнаго и непростительнаго паденія: я до того разсердился на моего человѣка, что вышелъ изъ себя и поколотилъ его... Поутру исполнилъ вяло мою обязанность и отнялъ слишкомъ полчаса отъ моего обычнаго занятія.

Воскресенье, 20-го Юня.

Сегодня посѣтили меня губернский почтмейстеръ, здѣшній помѣщикъ Султанъ-Гирей и Жегочевъ, который и обѣдалъ у меня. Султанъ рассказывалъ мнѣ разныя занимательныя подробности про здѣшній бытъ. Доказалъ мнѣ, какъ пять пальцевъ, какъ бы выгодно было вмѣсто виноградныхъ лозъ разводить сады фруктовые. Въ Алуштѣ за фрукты съ трехъ только грушевыхъ деревъ нѣкто получилъ въ прошломъ году до 700 рублей. Но въ то время, когда съ пользою можно бы было разводить плодовые деревья, всѣ бросились на виноградъ, и всѣ обочились. Съ нѣкотораго времени всѣ принялись за саженіе плодовыхъ деревьевъ; Султанъ посадилъ лучшихъ сортовъ таковыхъ деревьевъ нынѣшнюю весну до 1200 штукъ. Почтмейстеръ, изъ солдатскихъ дѣтей, былъ въ Италіи, на Кавказѣ, въ Сибири и наконецъ поселился и служить здѣсь. Человѣкъ, кажется, простой и добрый. При немъ принесли мнѣ посылку съ почты изъ Кологрива, отъ Сирина; посылка состояла въ изображеніи построекъ тамошняго уѣзднаго училища, гдѣ онъ служить штатнымъ смотрителемъ¹⁾. Послѣ обѣда пошелъ гулять по городу вмѣстѣ съ Жегочевымъ; городъ показался мнѣ пустъ и выстроенъ на Азіатскій манеръ. На нѣкоторыхъ улицахъ нѣтъ домовъ съ окошками, а стоятъ они къ улицѣ пустою стѣною. Я заходилъ къ Казначееву, но его не засталъ; заходилъ къ Султану и гулялъ въ его садикѣ. Жена у него Англичанка, мать восьмерыхъ дѣтей и, кажется мнѣ, добрая женщина. Ходилъ гулять по здѣшнему публичному саду; онъ новъ, но деревца въ немъ свѣжи и прекрасны. Мелькомъ взглянулъ на губернатора здѣшняго, который прохаживался въ саду со своею молодою женою. О губернаторѣ говорятъ хорошее²⁾. Поутру занимался своею обязанностію, но нѣсколько только минутъ: почувствовалъ нѣкоторую дурноту... Я весь въ какомъ-то разсѣяніи и какъ будто оторопѣлъ; въ чувствахъ нѣтъ благоговѣнія... Помогите Господи!

Понедѣльникъ, 21-го Юня.

Вотъ и желанный сердцу моему докторъ Мюльгаузенъ посѣтилъ меня; тотъ врачъ, для котораго я сюда и пріѣхалъ. Я съ нимъ не видался около двадцати пяти лѣтъ. Онъ меня пользовалъ, когда я еще былъ офицеромъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и далъ мнѣ докторскій совѣтъ—жениться. Онъ переѣхалъ изъ Петербурга сюда на житье и проживаетъ здѣсь въ Крыму благополучно слишкомъ двадцать два года. Лицо у него еще свѣжее, патріаршее, и онъ можетъ безъ очковъ читать очень мелкую печать. Онъ, поразпросивши меня хорошенько,

¹⁾ Ю. Н. Вартеневъ долго служилъ директоромъ Костромской гимназіи и училищъ. П. В.

²⁾ Это былъ Матвій Матвѣевичъ Муромцовъ. Его Записки въ „Р. Архивъ“ 1890. П. В.

прописалъ мнѣ пилюли и пластырь на ланѣ для прикладыванія къ большому мѣсту. Что же касается до цѣлебныхъ грязей, то онъ не находитъ нужды, чтобъ я ѣхалъ туда; да сомнѣвается еще, чтобъ грязи и были готовы, смотря на нынѣшнее дождливое лѣто. Грязи изготавляются природою тогда, когда соленая вода изъ озера испаряется отъ жаровъ и чрезъ то оставляетъ закраины озера влажными, собираясь только на середину онаго.—Принесли мнѣ газеты и письма. Первое, изъ Петербурга, отъ Ивана Петровича Егорова; второе, изъ Вытегры, отъ г. Яна; изъ Петербурга, отъ бр. Семенова и отъ сестрицы князевой изъ Ялты. Последняя очень благосклонно пишетъ, что новаго ничего нѣтъ.—Ходилъ, какъ сдѣлалось полегче, что случилось послѣ полудня, въ одну изъ здѣшнихъ аптекъ къ Е. Христлибу. Аптека прекрасная; самъ аптекаръ человѣкъ молодой, вѣжливый, образованный. Я нашелъ много новоизобрѣтенныхъ иностранныхъ медикаментовъ и взялъ на осмотрѣнне двѣ новыя машинки для промыванья, Англійскаго изобрѣтенія. Вечеромъ посѣтилъ меня, кромѣ Жегочева, здѣшній помѣщикъ Гротенъ, который живетъ близко Симферополя у подошвы горъ. Онъ рассказывалъ про Чатырь-Дагъ, на которомъ нѣсколько разъ бывалъ; говорилъ, что на немъ пасется лѣтомъ около 30,000 овецъ. Онъ уже здѣсь живетъ давненько и улучшаетъ довольно обширную свою маенность (слишкомъ 2000 десятинъ). Онъ сказывалъ мнѣ, что три раза онъ обязанъ излѣченіемъ своимъ старцу Мюльгаузену и все въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ коихъ одинъ, что Мюльгаузенъ излѣчилъ его отъ рака въ горлѣ. Поутру я исполнилъ свой долгъ сперва трудненько (много было сорныхъ травъ), въ послѣдствіи мирнѣе. Цѣлый день ничего не ѣлъ. Былъ въ разсѣяніи, ничего къ собранію духа не читалъ. Многогериѣливый Господи, потерпи меня!

Вторникъ, 22-го Іюня.

Приходилъ ко мнѣ Казначеевъ, показывалъ свое участіе, предлагалъ прогуляться по здѣшнимъ окрестностямъ; я ему заплатилъ деньги за варенье, которое онъ прислалъ ко мнѣ въ Корейскъ. Но болѣе удовольствія доставилъ онъ мнѣ тѣмъ, что прислалъ четыре книги «Москвитянина», которыя я цѣлый день и разсматривалъ. Душа моя со вчерашняго дня въ нѣкоторомъ волненіи; въ ней блуждаетъ любострастный помысль. Господи, довольно въ жизни моей я заплатилъ даней этому пороку, не допусти пасть мнѣ во внутренности сердца моего, которая должна быть посвящена Господу. Домашніе мои ходили на рынокъ за покупкою разныхъ необходимыхъ вещей для дома: чашекъ чайныхъ, сахару, чаю, прованскаго масла и проч. и проч. Было холодно и дождливо. Желудокъ мой все еще не устроился. Во снѣ видѣлъ Оедор. Иван.

Прянишниковъ, въ какихъ-то былъ съ нимъ объясненіяхъ; онъ не отвѣчалъ мнѣ на мои два письма къ нему; пусть сердится, лишь бы Богъ не гнѣвался.

Среда, 23-го Іюня.

Читалъ Philosophie Divine; писалъ къ князю письмо. Обѣдалъ Жеточевъ. Послѣ обѣда пошли мы за городъ къ старику Мюльгаузену. Пройдя мостъ, мы пошли около города; время было нехолодное. На концѣ города продолжительные фруктовые сады, обнесенные каменною стѣною, которой конца нѣтъ. Домъ у Федора Карловича большой. Лѣтомъ, должно быть, въ немъ очень прохладно, а теперь даже и сыренько; стѣны въ обширной комнатѣ, съ которой выходъ въ садъ, расписаны *al fresco*. Садъ у него на пятидесяти десятинахъ; плодовые деревья посажены у него въ симметрическомъ порядкѣ, кажется мнѣ, на четырехъ-саженномъ разстояніи. Если есть въ промежуткахъ деревья и ближе посаженные, какъ то вишня, черешня, слива, то хозяинъ хочетъ ихъ вырубить, чтобъ не мѣшали расти дорогимъ группамъ и яблокамъ. Новый садъ засадилъ самъ хозяинъ; фрукты съ него обыкновенно поступаютъ въ продажу, а предъ домомъ его есть садикъ, какъ бы собственно хозяевамъ принадлежащій. Есть и другой садъ у хозяина, прежде его насаженный; тамъ и водяная мельница. Въ этомъ саду деревья старыя; я видѣлъ величественную осокорь, *populus nigra*, видѣлъ бѣлый тополь, видѣлъ вишни и черешни колоссальной величины и толщины. Теперь въ саду фруктовый нѣтъ, а когда урожай, тогда ихъ бездна; отъ красныхъ вишенъ деревья всѣ красны дѣлаются. Хозяинъ легокъ на подъемъ, бѣгаетъ какъ молодой человекъ, перелѣзаетъ чрезъ заборы, переходитъ чрезъ перекладинку ручьи, отворачиваетъ большіе камни, которыми припираются садовые ворота. Благословенная старость! Память у него пресчастливая. Я очень усталъ и спать не такъ покойно. Предъ прогулкою кровь вступила мнѣ въ лицо, голова была нѣсколько тяжела, на прогулкѣ все прошло. Вчера и сегодня поутру исполнялъ долгъ свой не такъ удовлетворительно, въ обоихъ разѣхъ не выполнялъ положеннаго времени. Любо-страстные помыслы и сегодня не оставляли меня; я вяло сражаюсь съ ними, сила порочной привычки вмѣстѣ съ грѣхомъ тяготеетъ на мнѣ; впрочемъ уповаю на милость Господа моего и призываю святое Его имя и всецѣльную помощь.

Четвертокъ, 24-го Іюня.

Цѣлый почти день была дождливая погода съ порывами вѣтра, съ отдаленными перекатами грома; вчерашнюю же ночь дождь такъ уси-

лился, что пробило дождемъ потолокъ и смочило софу, на которой я обыкновенно пишу. Получилъ изъ Ялты множество газетъ и письма, отъ Елиз. Михайловны, отъ Власенкова изъ Петербурга и отъ брата изъ Костромы. Сообщена мнѣ копія съ бумаги, присланная министромъ народнаго просвѣщенія къ князю о принятіи Государемъ Императоромъ въ свои пансіонеры дѣтей Спасскаго. Это вслѣдствіе моей просьбы, которая отмѣчена въ свое время въ журналѣ. Докторъ Мюлгаузенъ, не смотря на ненастную погоду, посѣтилъ меня, и я поразсказалъ ему о нашей Печорской кампаніи. Послѣ обѣда пошелъ съ Жегочевымъ прогуливаться, ходили по здѣшнему саду; любовственные мысли меня не оставляютъ, а въ нѣкоторомъ смыслѣ даже усиливаются. Онъ слѣдитъ меня, и я, какъ ладья вѣтромъ колеблемая, ношусь по пучинѣ грязной зыби. Господи, помоги мнѣ! И сегодня старался я исполнить долгъ свой, но десять минутъ все-таки вычелъ по нетерпѣнію и недостойнству изъ моего занятія.

Пятница, 25-го Юня.

Во весь этотъ день я чувствовалъ легкое спазматическое состояніе въ желудкѣ, которое заставило меня вставать и ночью. Въ аптекѣ я встрѣтилъ молодаго человѣка, Сербѣ; былъ у предсѣдателя Казенной Палаты, онъ жаловался намъ, что цѣлый годъ, какъ Крымская лихорадка ломаетъ всѣ его суставы. Изрядное утѣшеніе въ будущемъ! Писалъ письма къ князю, сестрѣ его и отвѣтъ Сирину въ Кологривъ и все это отправилъ на почту. Исполнялъ долгъ свой, но далеко не выполнилъ назначеннаго времени. Получа 6-ю книгу «Отечественныхъ Записокъ», я такъ заинтересованъ былъ статью о Пушкинѣ, что даже и ночью нашелъ время почитать ее нѣсколько ¹⁾.

Суббота, 26-го Юня.

Проливный дождь съ ударами грома, съ блескомъ молаи почти весь день продолжался; поутру я зачитался «Отечественныхъ Записокъ», и такимъ образомъ цѣлый почти день не одѣвался. Поразило меня въ журналѣ извѣстіе о смерти поэта Теплякова ²⁾; съ которымъ я былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ; это были и пріятельскія, и литературныя связи. Отъѣзжая въ чужіе края, онъ поручилъ мнѣ свою пріятельницу, предстѣйшую дѣвицу, какою когда-либо я встрѣчалъ, настоящую розу

¹⁾ Это и были знаменитыя статьи Вильямса о Пушкинѣ. Ю. Б.

²⁾ Викторъ Алексѣевичъ Тепляковъ, путешественникъ по Болгаріи и поэтъ. Его стихотворенія изданы въ 2-хъ томахъ въ 1832—1836. Пушкинъ былъ лично знакомъ съ нимъ, называлъ его „Мельмотомъ-скитальцемъ“, цѣнилъ его поэтическій талантъ и посвятилъ его „Бракійскимъ эллегіямъ“ сочувственный разборъ. Ю. Б.

по свѣжести. И она даже въ день отъѣзда его успѣла измѣнить ему по моимъ предложеніямъ и денежному обольщенію..... Это родъ черты пзъ записокъ Казановы; дѣло дурное и развратное въ моей жизни, обильной еще большими въ этомъ родѣ происшествіями. Богъ и Господь, очисти мою и его душу, ради безмѣрной любви Твоей къ роду человѣческому. Смерть Теплякова была, по словамъ письма очевидца, очень тяжела. Какова-то моя собственная кончина будетъ? Какъ мнѣ предстать предъ судомъ Великаго Судіи, обрызганному и обезображенному всѣми видами любострастія? Боже, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ; помилуй, ради милосердія Твоего, и его душу. Въ продолженіе такого ненастнаго времени боль въ лѣвомъ боку моемъ усилилась; комнатная сырость также на меня большое имѣла вліяніе, такъ что меня порядочно прикрутило. Занятіе имѣлъ сегодня поутру неполное, но безъ особенной тягости. Вождѣлѣвательная сила воли слаба, очень слаба искать во глубинѣ Господа. Приснился мнѣ сонъ: вижу тяжелое и мрачное облако, закрывшее горизонтъ, и посреди этого облака колоссальное кадило, движимое на пространствѣ размѣра великаго; еиміама на кадилѣ не замѣтилъ.

Воскресенье, 27-го Іюня.

Пришли ко мнѣ два Еврея, старый и молодой; они здѣсь рѣзчики на камнѣ. Старый за свое искусство получилъ брильянтовый перстень отъ Государя. Я имъ отдалъ свой камень toraze fumé, подаренный мнѣ княземъ предъ выѣздомъ его изъ Петербурга. Молодой Еврей новаго образованія; я ему сказалъ, что приготавливается для нихъ правительствомъ полная система образованія. «Образованіе составить наше несчастіе, отвѣтствовалъ молодой.—Какимъ это образомъ?—Образованіе еще болѣе ослѣпить нашъ несчастный бытъ, и мы будемъ болѣе постигать ничтожество наше». Вообще я замѣтилъ, что Еврей, въ нѣкоторомъ смыслѣ примыкающіе къ Одесскъ, гораздо облагороженнѣе, чѣмъ всѣ другіе Евреи, которыхъ мнѣ удавалось встрѣчать въ жизни. Приѣзжали къ намъ съ визитомъ супруги Казначеевы; посидѣвши немножко, удалились. Вообще я излишне полагался на пріязнь Казначеева: одна лишь нахлестанная учтивость и, кажется, болѣе ничего. Погода все стоитъ переменчивая. Все занимался пятою книжкою «Москвитянина», присланною мнѣ Казначеевымъ. Вечеромъ прогнали меня походить, и я пошелъ въ лавку того Еврея, которому отдалъ вырѣзывать печать. Я нашелъ его за работою; онъ нарисовать уже на камнѣ гербъ мой. Старикъ сказалъ, что, по ихъ наблюденіямъ, если будущій Вторникъ будетъ дождь, если онъ продолжится Среду и Четвертокъ, то во все лѣто будетъ постоянно дождливая погода. Въ святой обязанности моей предъ Господомъ не встрѣтилъ я особенныхъ неудобствъ.

Понедѣльникъ, 28-го Іюня.

Получилъ письма; первое, изъ Петербурга, отъ Латкина, изъ Одессы, отъ Дм. Иван. Попова и отъ сестры князевоѣ съ газетами. Я обрадовался первому; между прочими извѣщеніями онъ пишетъ мнѣ о Невскомъ мостѣ и предполагаемыхъ работахъ на желѣзной дорогѣ. По газетамъ въ Испаніи и Ирландіи бунты и мятежи. Былъ у своего хозяина, онъ мнѣ нынѣ что-то добрѣе показался. Есть у него остатки, покрытыя пылью, библіотеки. Вообще нечистота величайшая въ его покояхъ. Хозяинъ у меня сегодня обѣдалъ; мы пробовали новую кухарку, Польву; добрѣ бы, еслибъ она могла у насъ остаться. Послѣ обѣда пошелъ къ Казначеевымъ, у нихъ и ужиналъ и оставался до 2-го часа за полночь. Къ нимъ собралось здѣшнее общество; не знаю только, кто были. Помню и знаю, что познакомился съ Шатилсовымъ, жителемъ южнаго берега. Въ этотъ вечеръ я болѣе разсмотрѣлъ Казначеева; болѣе и болѣе разочаровываюсь въ немъ. Усталый возвратился домой съ новымъ убѣжденіемъ, что душѣ моеѣ вредно долго оставаться внѣ дома. Исполнилъ свою обязанность безъ особенныхъ препятствій. Ночь свѣтлая и тихая. Мюльгаузенъ послѣ обѣда постилъ меня и непременно велитъ носить пластырь, отъ котораго покуда я не чувствую никакого облегченія; изъ двухъ домашнихъ инструментовъ, взятыхъ мною изъ аптеки, старикъ выбралъ мнѣ лучший и самъ ихъ при мнѣ пробовалъ. Хозяинъ прислалъ мнѣ прежній рапортъ свой о бунтѣ Севастопольскомъ, въ которомъ онъ едва не сдѣлался жертвою. Рапортъ сей писанъ былъ графу Воронцову и немедленно препровожденъ къ Государю Императору. Хозяинъ, бывши врачомъ при дюкъ-де-Ришелье, служилъ послѣ цѣлыя тридцать лѣтъ инспекторомъ во врачебной управѣ и во время столь долголѣтнаго служенія употребляемъ былъ три раза къ уничтоженію восточной чумы, прокравшейся въ предѣлы наши въ различное время. Онъ уроженецъ Карлсбада; бывши три года лѣкаремъ при водахъ, уже тридцать семь лѣтъ, какъ живетъ въ Крымѣ. Давненько!

Вторникъ, 29-го Іюня.

День наипрѣятнѣйшій по своей теплотѣ и ясности. Приходилъ постигать меня здѣшній аптекаръ, зашелъ и Жегочевъ. Послѣ обѣда я ходилъ прогуливаться по здѣшнему городу и такъ называемому гостинному двору. Унылый и скучный городъ; на улицахъ Жиды, неопрятные Татары, сидящіе на улицѣ и курящіе табакъ; перерожденные Греки, неопрятныя женщины. Унылое, повторю, и скучное мѣсто! Да и прогуливался я съ худымъ расположеніемъ духа и порочнымъ направлениемъ сердца. Заходилъ въ лавку Карайма и купилъ бутылку портера

для пробы. Поутру исполнял свою обязанность, но вяло, съ развлеченіями ума, ибо въ то время гремѣлъ громъ и шелъ дождь. Прогуливался немножко по саду; днемъ заходилъ въ кухню и любовался мастерствомъ своей кухарки. На молитвѣ моей, какой-то враждебный и смуты производящій духъ неумолкаемо тревожить меня и слѣшно огребаешь подобіе мира, которымъ, можетъ быть, мяю пользоваться. Господи поспѣши, утверди и проники мою грѣховную душу!

Среда, 30-го Іюня.

Я не брился и не одѣвался сегодня, а проходилъ цѣлый день въ шлафрокъ; поутру все писалъ письма. Длинное письмо написалъ къ Ивану Петровичу Егорову съ препорученіемъ къ г. Спасскому, который даже не отвѣчаетъ и на мои къ нему письма; я просилъ Ив. Петр., чтобъ онъ лично ему отдалъ бумагу министрову, въ которой заключается милостивое рѣшеніе Государя Императора принять дѣтей въ число пансіонеровъ своего имени. Писалъ къ князю и сестрѣ его; писалъ въ Одессу Д. И. Попову, а вечеромъ написалъ письмо къ брату Всеволоду Никитичу. Во время дня съ самаго утра дождь періодически смѣнялъ ясную погоду. Вечеръ провелъ у меня Жегочевъ; рассказывалъ, что въ Днѣпровскомъ уѣздѣ появилась саранча и что немалое пространство земли закрыто ею; впрочемъ, она еще не поднялась, и теперь стараются ее истреблять по мѣрѣ возможности. Послѣ обѣда я поприлежъ отдохнуть и оттого худо спалъ ночью. Нечистыя мысли волновали мое сердце; не знаю навѣрное, поддавался ли я имъ охотно, только снова уснувши видѣлъ сонъ, указывавшій аллегорически на этотъ обычный мнѣ порокъ, сонъ замѣчательный, но я теперь пересказать его не могу. Должность свою Господу исполнилъ кое-какъ, ибо я проспалъ; а всегда почти худо дѣлается, когда долго проспѣшь.

Четвертокъ, 1-го Іюля. 1843.

Сегодня день рожденія императрицы, и вслѣдствіе того Жегочевъ являлся поздравлять меня. Здѣсь это довольно строго; губернаторъ требуетъ, чтобы всѣ чиновники присутствовали у обѣдни. Я ходилъ въ лавку къ Караиму и купилъ кое-какихъ бездѣлицъ, доставившихъ мнѣ удовольствіе, напр., Французскую горчицу новаго заготовленія, мятныхъ капель, Кельнской воды иностраннаго произведенія, мелкаго безъ косточекъ изюму, довольно свѣжихъ фисташекъ, макароны, вермишели; все это мною опѣнилось, какъ опѣнялъ нѣкогда подобныя съѣстные вещи Робинзонъ Крузо, когда обиралъ занесенный бурей корабль къ его уединенному острову. Какъ только я вышелъ поутру изъ своей спальни, такъ уже и лежали на столѣ моемъ пакеты,

полученные съ почтою. Въ числѣ ихъ было письмо отъ князя Алек. Никол. Его сіятельство обязательно извѣщаетъ меня, что онъ груститъ безъ меня и что въ ежедневной своей прогулкѣ до Коранса ему уже не къ кому заходить для отдыха. Къ крайнему моему удивленію я получилъ изъ Одессы письмо отъ Гусятникова, въ которомъ сильныя выраженія признательности ко мнѣ адресованы. Гусятниковъ считаетъ меня отчасти причиною, что онъ нашелъ службу у графа Воронцова и получаетъ порядочное жалованье. Еще новая странность: я получаю отъ графа Воронцова письмо, и при ономъ обратно препровождена та бумага, которую онъ у меня взялъ при отъѣздѣ. Къ чему это приписать? Тому, что опрагматизованные лазутчики извѣстили его, что я огорчился его подозрѣніемъ, или тому, что онъ одумался и сообразился. Онъ придрался къ моей надписи. Постѣ обѣда ходилъ гулять по здѣшнему публичному саду; со мною ходила и жена моя. Клубокъ нечистыхъ помысловъ спѣшно развивался въ душѣ моей, и я огорчалъ моего Господа и Спасителя. Не смотря на болѣзнь, воля моя искала мановенія, чтобъ запутать себя въ дедалѣ мрака, грѣха и преступленія. Обязанность свою я поутру исполнилъ безъ особенныхъ затрудненій, но можетъ ли ова быть пріятна Господу, когда лицемѣрное сердце, ища соединиться съ Нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стремится и на порокъ, какъ хищная птица на падалище? Господи помози, Боже возстанови падающаго!

Пятница 2-го Іюля.

Весь день утро и вечеръ прошатался по городу; ходилъ по публичному саду, ходилъ по рынку, ходилъ по кривымъ улицамъ Татарскаго города; осматривалъ торговыя бави, Русскую, Татарскую. Въ Татарской бавѣ хоръ музыкантовъ забавлялъ въ то время досужаго мусульманина. Заходилъ въ новостроящійся кварталъ гостинаго двора, въ которомъ давки четыре открыто, а прочія пустырь. Нашелъ себѣ хорошаго мыла, приглядѣлъ Голландскаго полотна, котораго аршинъ отдають за 2 р. 10 коп., тогда какъ за такой аршинъ я платилъ въ Петербургѣ 7. Заходилъ въ аптеку, гдѣ выпилъ стаканъ малиноваго сиропа. Ходилъ до изнеможенія; желалъ посмотрѣть, облегчится ли спина моя отъ столь усиленнаго моціона. Между тѣмъ душа моя во время этихъ прогулокъ вмѣщала въ себѣ помыслы нечистые, раскалялась любострастіемъ, а воля заранѣе посягала на преступленіе; но Богъ хранитель не допустилъ пасть, избавя отъ лукаваго и не введя во искушеніе. Все было пусто, не было встрѣчъ для пластическаго преткновенія. Какъ тяжко, какъ омерзительно замѣчать въ журналѣ столь зловонныя стигматы сердца моего и какъ еще далеко я до желанной чи-

стоты и устройства! Поутру кое-какъ исполнилъ я свою обязанность ко Господу совмѣстно съ моимъ чтеніемъ, ибо я окончилъ сегодня третій томъ Божественной Философіи Дютуа, и послѣдняя статья книги была глава о тепломъ, о которомъ самъ Господь сказалъ, что онъ имѣеть быть изплеванъ изъ устъ Его. Послѣ обѣда явился ко мнѣ Семенъ и объявилъ, что ему предлагаютъ мѣсто въ Севастополѣ съ большимъ окладомъ жалованья, чѣмъ у меня; я принужденъ былъ дать соизволеніе на его желаніе. Вдругъ докладываетъ мнѣ человекъ, что какой-то пріѣзжій изъ Петербурга казначей желаетъ меня видѣть и могу ли я принять его; я далъ свое согласіе и вскорѣ послѣ того слышу стукъ по лѣстницѣ и вижу почтенной и пріятной наружности генерала съ одною ногою, а другая у него деревянная. Это точно былъ казначей, кажется мнѣ, баронъ Дризенъ въ Капитулѣ орденовъ. Заслуженный генералъ-лейтенантъ, онъ пробирается въ Ялту, чтобъ воспользоваться морскими ваннами и вмѣстѣ видѣться съ своимъ благодѣтелемъ, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Я былъ очень доволенъ, что Провидѣнію угодно познакомить меня съ такимъ заслуженнымъ воиномъ и отцемъ многочисленнаго семейства.

Суббота, 3-го Іюля.

Меня посѣтили сегодня г-да Казначеевъ и Шатиловъ. Послѣдній живеть на южномъ берегѣ, человекъ достаточный; на дняхъ купилъ онъ въ Крыму, говорить, за дешевую цѣну до 17 тысячъ десятиныхъ степной земли, изъ которой значительная часть—такъ называемая поливная; онъ хочетъ распространить большое хозяйство. Я доволенъ что съ нимъ знакомлюсь. Пошелъ гулять въ садъ. Страшно гулять въ немъ, совершенная пустыня; я опасуюсь, чтобъ меня не ограбили; иногда встрѣчаешь въ саду лежащихъ Татаръ звѣрскаго вида. Выходя изъ саду, я встрѣтился съ какимъ-то юношею и просилъ его провести меня въ кондитерскую лавку, что онъ и сдѣлалъ. Лавка негодная, кондитеръ небритый и неодрѣтый, конфеты, какъ мнѣ кажется, дурныя. Мы выпили однако съ юношею по рюмкѣ Крымскаго ликера, очень недурнаго. Обѣдалъ у меня хозяинъ мой Лангъ, только что возвратившійся изъ путешествія. Послѣ обѣда поѣхалъ въ Русскую баню, которую Жегочевъ выпросилъ мнѣ у здѣшняго начальника гарнизоннаго батальона. Бани расположена въ той части города, гдѣ я еще не бывалъ и гдѣ сосредоточены лучшія постройки города. Эта баня предназначена для офицеровъ; въ ней помѣстительно и удобно. Солдаты мыли и терли меня. Тотъ, который непосредственно за мною ухаживалъ, былъ отданъ въ военную службу Гавриломъ Александровичемъ Горсткимъ, бывалъ въ Костромѣ, бравый и расторопный молодецъ; другой

уже старикъ, Владимирской губерніи. Меня вытерли медомъ съ солью; я много терялъ испарины и послѣ бани чувствовалъ себя свѣжѣе; на счетъ же простуды не знаю еще, какъ сказать. Привязчивыя, докучныя, порочныя мысли сопутствовали большую часть дня, нѣсколько однако слабѣе вчерашняго; но корень оныхъ, внутреннее, какъ говорить Давидъ, сѣмя тли, очень еще свѣжо въ сердцѣ моемъ и безотчетно ищетъ породить свои плевелы. Меня уже брить начинаетъ мой мальчикъ Сергій и очень изряднехонько; вотъ сегодня въ другой уже разъ, какъ онъ меня обрилъ. Въ отношеніи моей обязанности къ Господу моему я безсильно и кратко силился исполнять ее.

Воскресенье 4-го Іюля.

Я очень рано проснулся, поспѣшилъ одѣться и вышелъ въ садъ, куда велѣлъ вынести и чайный приборъ. Тамъ чай мы пили, но поутру довольно было вѣтрено. Я зашелъ къ хозяину и поговорилъ о довольно интересныхъ матеріяхъ; онъ мнѣ рассказывалъ свою собственную исторію и какую ролю играла въ ней семья Казначеевыхъ. Пошелъ въ соборъ къ обѣднѣ, это еще въ первый разъ въ Симферополѣ. Соборъ, довольно обширное строеніе въ Византійскомъ стилѣ; онъ недавно выстроенъ и довольно помѣстителенъ; иконостасъ живописи хорошей, но я близко не подходилъ къ нему. Образовъ старинной работы совсѣмъ нѣтъ. Публика собралась довольно многочисленная. Здѣсь обычай самимъ подходить къ мѣстнымъ иконамъ и ставить свѣчи; мужчины и женщины, чиновники и дамы поминутно подходили и тѣмъ развлекали мое вниманіе. Пѣвіе было обыкновенное; да и можно ли ожидать сладкаго напѣва отъ невыправленныхъ дячковъ? Послѣ обѣдни священникъ вынесъ мнѣ просвиру, знакъ величайшаго вниманія. Послѣ службы вся семья наша съ Жегочевымъ и юношею, недавнимъ знакомцемъ нашимъ, пошла прогуливаться по саду. Юношу я оставилъ обѣдать, а Жегочевъ что-то хохлится и косится; онъ проговорился женѣ, что сего новаго моего знакольца онъ, живя въ городѣ, нигдѣ не встрѣчалъ. Послѣ обѣда я уснулъ отъ утомленія.

Здѣшняя женщина Авдотья, не смотря, что я далъ ей карбованецъ, срыгнула на меня, такъ сказать, тѣшкою. Она, имѣя въ виду доставить мѣсто какой-то своей пріятельницѣ, взволновала кухарку мою, которая объявила мнѣ несовмѣстныя требованія, вслѣдствіе коихъ мнѣ нельзя было ее оставить; все это и меня взволновало; я не напутку разсердился и на кознодѣйство Малороссійское и на самодурство Польское. Уснулъ, видѣлъ два сна; второго однако не помню. Изъ перваго воспоминаю только то, что я былъ въ обществѣ духовъ, былъ тамъ и Дмитр. Ивацovichъ Поповъ. Души одѣты комфортабельно, небольшого

роста, а стихія этого общества, слишкомъ рѣзко отразившаяся въ моемъ сознаніи, была та, что такого ума, гордости и злобы не бываетъ въ обществѣ человѣковъ. Странно и таинственно для меня то, что этихъ существъ я гдѣ-то видалъ и знавалъ..... Другой сонъ, кажется, былъ утѣшительнѣе, но я его не помню..... Сгибъ сладострастнаго моего сердца все еще продолжается, но онъ болѣе внутреннѣе, чѣмъ вчера.... Принесъ Господу мое поклоненіе безъ особаго напряженія и труда, хотя 10 минутъ я отнялъ отъ занятія. О милосердый Спаситель! Вставши рано, я осмѣлился побесѣдовать съ Тобою, просто, откровенно, какъ рабъ съ добрымъ своимъ господиномъ. Угодно ли Тебѣ снизойти ко мнѣ милостію и неизреченно-сладкимъ для меня благоволеніемъ? Господи! Ты не отрекался миловать мытарей и прелюбодѣевъ, не отрѣшися и отъ меня. Я ненавижу первороднаго своего грѣха; да какъ избыть его, какъ взойти въ простоту, какъ не умѣть заглядываться на себя, не смотря на свою скверну и худость?

Понедѣльникъ, 5-го Іюля.

День мой начался въ смятеніи. Нанимающаяся кухарка объявила намъ, что насъ оставляетъ; новая, которую я не заблагоразсудилъ оставить, пришла со своимъ скарбомъ и расположилась въ кухнѣ; первая изъ нихъ отказалась и стряпать столъ нашъ, новую не хотѣлъ я заставлять, потому что здѣшняя женщина насильно мнѣ ее навязала; надобно же кому нибудь было изготавить обѣдъ нашъ. Катя моя, встревоженная неудобствомъ и не такъ здоровая, послала за женщиною здѣшняго дома, за этою Авдотьей, которая отвѣтствовала посланному, что она не хочетъ идти. Принуждены мы были заставить изготавлять кушанье Семена, который и принялся за дѣло. Но Семенъ съ часу на часъ ожидать отвѣта на свое письмо съ тѣмъ, чтобы отправляться въ Севастополь къ новому своему господину; письмо дѣйствительно и получено имъ было послѣ обѣда; онъ принесъ мнѣ его и просилъ о выдачѣ его актовъ. Эти подробности малозначущи, но я объ оныхъ распространяюсь, потому что все это составляло для меня дедалъ хотя маловажный, но трудный на скорую развязку и, если говорить правду, то эти обстоятельства вмѣстѣ взятые были для меня если не тяжелыми, то колючими и гнетущими крестиками. Но я возопилъ внутренно къ моему Господу, чтобъ не потерять духа, и Онъ, благодѣй, для Котораго все человѣческое не чуждо, разсѣялъ этотъ Гордіевъ узелъ, и къ вечеру мое спокойствіе вновь возвратилось ко мнѣ; все умиротворилось, все взошло въ свою колею, и слава, благодарность и преданность живому Богу за его милосердіе и свисхожденіе ко мнѣ, недостойному рабу, и къ мелкимъ нуждамъ моимъ.

Получилъ газеты изъ Ялты, но писемъ ни отъ князя, ни отъ сестры его не было. Было одно лишь письмо изъ Петербурга отъ одного чиновника почтамтскаго Липса; онъ былъ прежде Евреемъ и окрестившись пошелъ въ службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Я ожидалъ моего жалованья изъ Ялты и въслѣдствіе сего послалъ справиться въ Почтовую Контору, не было ли мнѣ денегъ; сказали: нѣтъ. Я написалъ по сему предмету грозное въ выраженіяхъ письмо къ Елис. Михайл., гдѣ выливалъ мое неудовольствіе на князя Козловскаго за обдуманную, какъ мнѣ казалось, медленность его въ недоставленіи слѣдующихъ мнѣ денегъ. Я отправилъ уже это письмо на почту. На самой почтѣ стали мнѣ дѣлать разныя затрудненія; наказали моему человеку, чтобъ я подписывалъ свое имя и проч. и проч. Все это приводило меня въ волненіе и непріязненное состояніе. Но вотъ является почтальонъ и привозитъ мнѣ деньги и письмо отъ князя Козловскаго, который не послалъ ихъ по почтѣ для того, можетъ быть, чтобъ сохранить для меня и деньги на пересылку. Мнѣ стало совѣстно и стыдно опрометчиваго моего поступка, и я тотъ же часъ послалъ на почту потребовать обратно письмо, которое, къ счастью, мнѣ возвратили; я изорвалъ это письмо и написалъ новое, которое тотъ же разъ и отправилъ. За обѣдомъ я ѣлъ такой вкусный горошекъ, что тотъ же часъ послѣ обѣда пошелъ въ лавку къ Карайму и купилъ у него 10 фунт. этого горошка, а у него осталось только семь фунтовъ. Здѣсь я увидѣлся съ Евреемъ, дѣлающимъ мнѣ оправу для очковъ, и отыскалъ фактора, взявшагося мнѣ отыскать новую кухарку, которая и не замедлила съ нимъ придти; мы ее сейчасъ же остановили; женѣ сва понравилась, да и мнѣ очень непротивна: женщина, кажется, добрая и простая. Катя очень довольна ея разговоромъ; увидимъ, что будетъ далѣе. Послѣ того я имѣлъ разговоръ и съ Семеномъ, которому представилъ весь оптический обманъ въ сдѣланномъ ему предложеніи. Я ему говорилъ кротко и добросовѣстно и видѣлъ, какъ слова мои ложатся на его душу. Онъ общалъ мнѣ пораздумать ночью и помолиться усердіе Богу. Я былъ почти увѣренъ, что онъ поколебался оставить домъ мой. Такъ Господь все разрѣшилъ и разогналъ облачко, столпившееся надъ моимъ сердцемъ. Поутру я исполнилъ долгъ свой, хотя не вполне, но безъ особеннаго затрудненія. Я забылъ отмѣтить, что вчера и сегодня поутру неожиданно посѣтилъ меня Ялтскій докторъ и между прочимъ рассказалъ мнѣ смѣшную вещь о попѣ, давшемъ мнѣ просфору; этотъ священникъ вообразилъ и принялъ меня за императора Николая, инокънито будто бы пріѣхавшаго въ Симферополь и пришедшаго на тотъ разъ за обѣдню. Не малая честь для меня, что фізіогномія моя показалась сему доброму и простому іерею достойною

сравниться съ истиннымъ величіемъ Николаева лица. Предъ обѣдомъ, я новую узналъ на себѣ милость Господню. Въ банѣ я былъ третьяго дня, вчера особеннаго въ себѣ облегченія не чувствовалъ, а сегодня хотя боль почти таже, но въ отправленіяхъ и движеніяхъ тѣла болѣе ловкости и свободы. Чувствую въ себѣ, что боль становится, или, такъ сказать, какъ бы перешла въ минорный тонъ. Слава Тебѣ и благоговѣніе, Великій изъ Существъ! Сердечная Тебѣ благодарность отъ ползущаго и пресмыкающаго червя какъ я. Ты не только не подавляешь подлое насѣкомое, подлое по своимъ порочнымъ привыкамъ и страстямъ, но еще долготерпишь и снисходишь моимъ человѣческимъ нуждамъ и немощамъ. Слава Тебѣ, во имени Матери Твоей и именахъ всѣхъ тѣхъ, которые имѣли счастье благоугодить Тебѣ. Слава Тебѣ, побѣдившему вражій міръ! Слава въ Вышнихъ Богу и въ человѣцѣхъ благоволеніе! Господи, не возгнушайся отголоскомъ бѣднаго и страстнаго сердца моего!

Вторникъ, 6-го Іюля.

Мнѣ все что-то приводится имѣть дѣло съ Евреями; я съ ними свыкаюсь и нахожу даже въ этомъ удовольствіе. Такимъ образомъ Еврей, золотыхъ дѣлъ мастеръ, приходитъ ко мнѣ и пилъ со мною чай. Я отдалъ ему починивать мои пуговицы, вычищать зарукавье, серги и изломанный зонтикъ Варвары Петровны; онъ скоро это сдѣлалъ и обратно принесъ мнѣ мои вещи. Ходилъ съ женою покупать посуду; она ее выбрала въ лавкѣ Еврея-Карайма, и я далъ задатки; въ лавкѣ мы нашли многія полезныя для себя вещи: отличную икру, гречневую крупу, муку. Мы обѣдали на своей уже посудѣ и имѣли причину быть довольными своею гухаркою. Предъ обѣдомъ Семенъ явился ко мнѣ съ собственноручною запискою, въ которой отказывается отъ намѣренія идти къ другому во услуженіе и ѣхать въ Севастополь. Я заходилъ къ Еврею, дѣлающему или вырѣзывающему мою печать; мнѣ показалась работа какъ-то грубоватою. Еврею же золотыхъ дѣлъ мастеру я отдалъ росколотую свою печатку, на которой была золотая оправка; она назначается въ прибавленіе къ тремъ червонцамъ, которые распускаются для сдѣланія мнѣ оправы для очковъ. Не знаю, не роскошь ли имѣть золотую оправу. Послѣ обѣда я легъ уснуть и долго спалъ; я тяжело сплю. Вечеромъ ходилъ прогуливаться съ Жегочевымъ, гулялъ по здѣшнему городскому саду; уединенно и прохладно; яркая зелень въ полусумракѣ радуется и красуется зрѣнію. Днемъ я заходилъ къ аптекарю и расплатился съ нимъ за лекарства, отдѣльно и безъ денегъ взятыя. Провизоръ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Харькова и что чувствовалъ себя въ болѣзненномъ состояніи, грудь тяжело стра-

дала, но живя здѣсь въ Симферополѣ пять лѣтъ, онъ избавился недуга и благодарить Бога за климатъ. Мнѣ точно становится нѣсколько лучше послѣ бани и я посылаю благодарное письмо подполковнику Борису; онъ общалъ мнѣ и впередъ дать воспользоваться его банею. Поутру читалъ трактатъ о чувственной любви; переводъ гладокъ и внятенъ. Вечеромъ, когда сталъ писать обычный журналъ свой, не нашелъ ключика отъ шкатулки; это очень меня озаботило, и я не зналъ, что и дѣлать. Но, удержавъ смятеніе, я оставилъ все до завтра. Не врагъ ли хочетъ отвести меня отъ писанья записокъ, которое для меня полезно? Я исполнилъ долгъ свой ко Господу, хотя не все назначенное время, но безъ особенныхъ препятствій и трудовъ.

Среда 7-го Іюля.

Утро я употребилъ на составленіе писемъ: 1) къ князю Алек. Ник. 2) къ князю Павл. Дмитр. Козловск. 3) къ Кіевскому почтмейст. Вишне-вск. 4) къ Александрѣ Петровнѣ Хвостовой и 5) къ Михайлѣ Петр. Гусятникову. До писанья читалъ трактатъ о чувственной любви. Обѣдъ былъ довольно хорошъ, подавали молодого барашка на жаркое; предъ обѣдомъ на закуску пробовалъ Голландскую селедку, которая здѣсь за рѣдкость. День ясный и теплый. Но, оставя мелочи, скажу или замѣчу объ одномъ обстоятельстве. Писавши письмо къ князю, я взялъ за тему онаго благодареніе сдѣланное имъ Гусятникову и такъ самъ раз-трогался изложеніемъ письма, что проливалъ обильныя слезы, чего давно со мною не бывало; насили онѣ унялись. Между тѣмъ жена моя ходила къ Казначеевымъ. Послѣ обѣда и мнѣ вздумалось погулять, и мы съ Жегачевымъ ходили по Татарскому городу. Вездѣ бѣдность, пу-стота, отсутствіе зелени, каменные заборы, кривые переулки; товарищъ мой заглядывался на хорошенькихъ женщинъ, а я худо видѣлъ. Говоря громко съ Жегачевымъ, я изъяснялъ ему мое негодованіе о небрежности, съ каковою составляются акты въ Уголовной Палатѣ по предмету под-судимыхъ. Напримѣръ, что нѣкто, дѣлатель фальшивой монеты, имѣющій 44 года отъ роду, прижилъ дѣтей, трехъ сыновей: старшему 32 года, среднему столько-то и проч. Этотъ журналъ или протоколъ просмотрѣнь уже и прокуроромъ. И вотъ такимъ образомъ, идя по улицѣ и негодуя за нелѣпость и неопрятность составленія столь важныхъ бу-магъ, я выразился громко, что онъ обставленъ такими людьми, кото-рые по справедливости могутъ быть названы . . . въ треугольной шляпѣ. При этомъ словѣ повстрѣчался съ нами совѣтникъ Губернскаго Правленія, который, услышавъ такое мое слово, захохоталъ. Я послѣ рассказавъ, что я такъ выразился; совѣсть ясно укоряла меня въ томъ, и я ясно видѣлъ, что со мною сбылась Русская пословица: «языкъ мой

врагъ мой; безъ воли моей рыцетъ, погибели моей ищетъ». Ночь спалъ дурно, въ первый разъ почувствовалъ нападки отъ блохъ. Видѣлъ смутные сны, будто бы мы были въ комнатѣ, гдѣ находилось и мертвое тѣло; другое, что спали оба мы вмѣстѣ съ Гавр. Степ. Поповымъ*) у кого-то въ передней, очень тепло и хорошо закутанные, но спали по лакейской модѣ, на какомъ-то рундучкѣ и когда насъ спросили, мы вскочили. Ключикъ напелся; его поднималъ Караймъ въ своей лавкѣ. Долгъ свой исполнилъ, хотя усѣченно, но безъ дальнѣйшихъ препятствій.

Четвертокъ, 8-го Июля.

Мнѣ много принесли поутру писемъ, во-первыхъ, отъ князя Александра Николаевича Голицына, очень ласковое и участливое; видимоу онъ доволенъ моими недѣльными извѣщеніями. Второе, отъ сестры его, мрачное и грустное; она жалуется на нападки княгини Голицыной, руководительницы сомнамбулы, которая даже дѣлаетъ ей угрозы и общаетъ всякія несчастія. По сему случаю, съ позволенія князя, сестра его писала къ княгинѣ Голицыной. Третье письмо отъ моей племянницы изъ Костромы и четвертое отъ товарища министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго - Шихматова. Князь Платонъ Александровичъ къ письму своему присовокупляетъ два отчета, поданные министромъ Государю о успѣхахъ народнаго образованія за прошедшій годъ и о занятіяхъ Археографической Комиссіи. Въ письмѣ у князя очень много любопытнаго; онъ пишетъ объ окончаніи проекта образованія Евреевъ, о фармацевтическихъ институтахъ и проч. и все это оканчивается увлеченіемъ дружества и пріязни.

Все утро я читалъ и перечитывалъ присланное, равно какъ и иностранныя газеты, въ которыхъ, между прочимъ, заключалось и продолженіе повѣсти Евгенія Сю. Обѣдалъ у насъ Жегочевъ, а послѣ обѣда къ вечеру вздумали мы со всемъ семействомъ отправиться пѣшкомъ къ доктору Мюльгаузену, котораго встрѣтили на дорогѣ къ намъ идущаго; мы его воротили и вмѣстѣ съ нимъ пошли къ нему. Проходили чрезъ рѣчку Салгиръ по мосточкамъ и садами его дошли до его дома. Тамъ познакомились со всемъ его семействомъ и женою доктора, очень почтенною женщиною. Она намъ сказывала, между прочимъ, что мужъ ея въ Петербургѣ страдалъ одышкою, но какъ переправился въ климатъ южный, то и болѣзнь его оставила, и онъ столько лѣтъ и постоянно наслаждается благодатнымъ здравіемъ. У Мюльгаузена видѣли

*) Бывшій секретарь князя А. Н. Голицына, въ то время уже занимавшій видное положеніе; онъ умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника въ 1874 году. Ю. Б.

и зятя его, капитана Фремдера, украшеннаго орденомъ, только что пожалованнымъ ему. Пили чай на свѣжемъ воздухѣ, на террасѣ, которая въ видѣ павильона вся закрыта была виноградными лозами, густо вьющимися. Семейство Мюльгаузена насъ довольно и проводило, когда мы возвращались назадъ въ городъ. Я снялъ по приказу его пластырь. Обязанность моя отчасти выполнена мною безъ особенныхъ затруднений, хотя 25 минутъ и упустилъ изъ оныя. Я разсѣваюсь и много болтаю.

Пятница, 9-го Июля.

Старецъ Мюльгаузенъ посѣтилъ меня, и вотъ при немъ вышло происшествіе, гдѣ мнѣ въ тысячу второй разъ доказано было, что кромѣ прочаго другого, таящагося въ сердцѣ моемъ, есть нарочитое количество и гнѣваго элемента. На прошлыхъ дняхъ, повѣса Семенъ пошелъ таскаться по городу и какія-то связи отыскалъ въ домѣ вице-губернатора Бера, вѣроятно наболталъ и нахвасталъ. Беръ передалъ комиссію Жегочеву, чтобы тотъ отъ его имени предложилъ мнѣ отпустить Семена, если онъ мнѣ неуженъ, недѣли на три, на южный берегъ Крыма съ отправляющеюся женою его. Такая неучтивая несовѣстность вывела меня изъ терпѣнія, и я разбранилъ Бера, какъ только могъ въ сердцахъ, и это все происходило въ присутствіи Мюльгаузена, котораго я этимъ поступкомъ совершенно соблазнилъ. Когда все уговорилось, я, послѣ обѣда, призывалъ слугу; онъ ото всего отперся, но продолжи его видны, и онъ ненадеженъ, а ссылатъ не могу, ибо боюсь южнаго берега: тамъ не сыщешь и нахлопочешься до сыта. Писалъ сегодня много писемъ: къ Гусятникову, къ Подолинскому, къ сестрицѣ князевоу, къ Василью Ѳедоровичу Яну, къ Михайлѣ Александровичу Максимовичу; къ первому и второму въ Одессу, къ третьей въ Ялту, къ четвертому въ Вытегру и послѣднему въ Золотоношу, Полтавской губерніи. Жена моя пришла сказать мнѣ, что сегодня будетъ обильный у меня столъ, а по сему я поспѣшилъ обставить его, какъ я выразился, и самими званными, Жегочевымъ и хозяиномъ. Послѣ обѣда пошелъ въ дальнюю прогулку въ сопровожденіи моего хозяина. Онъ, какъ тридцатисемилѣтній обыватель Крыма, могъ съ удобствомъ мнѣ все показать и пересказать. Сперва повелъ онъ меня Татарскимъ отдѣленіемъ города. Пусто, вриво, глухо, безжизненно. Каменные стѣны и внутри стѣнъ сакли въ Татарскомъ вкусѣ. Бѣдные, худо одѣтые жители слоняются какъ тѣни. Вышли за городъ, и хозяинъ повелъ меня къ развалинамъ древняго Скиесскаго города, въ которомъ нѣкогда царствовалъ король Скиескій Скилирусъ; объ немъ будто бы, по словамъ хозяина, упомянулъ и отецъ исторіи, Геродотъ; тотъ са-

мый Скилирусъ, который передъ смертью, собравши многочисленныхъ дѣтей своихъ и велѣвшій принести вязанку только что сорванныхъ молодыхъ деревь, велѣлъ эту вязанку дѣтямъ своимъ переломить, уча ихъ чрезъ этотъ символъ, что единодушіе властителей и братьевъ всего нужнѣе для мира и совокупной крѣпости. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ хозяинъ мой и Бларамбергъ посѣщали также это удолье и, замѣтя одно мѣсто, дѣлали въ ономъ археологическій поискъ, нашли якобы конную статую и мраморный бюстъ самого, по словамъ хозяина, царя Скилируса. Голова бюста и всадника одѣты были въ шапку Фригійскую. Это урочище недалеко отъ города и вмѣщается между возвышенностями, опоясывающими родъ долины. Щебень и мелкій камень остались нѣмыми мозаиками бывшей постройки; я, съ ухваткою археолога, подобралъ нѣсколько кусковъ черепицы или кирпича и замаралъ ею только карманъ мой; можетъ быть, эта жженная земля была просто принадлежностію Татарской хаты. Оттуда заходили мы въ пивоварню, построенную на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно жилали братья Крымскаго хана; развалины ихъ непригожаго дворца еще успѣлъ застать мой хозяинъ. Я купилъ ведро славнаго Мартовскаго пива, котораго бутылка обошлась мнѣ по 35 копѣекъ, вмѣсто того, что я за бутылку портера здѣсь платилъ по 2 р. 80 копѣекъ. Хозяинъ мой жалуется на усталость; не хочетъ ли онъ чрезъ это распрощаться съ ролью моего чичероне? Нѣмцы не любятъ самоотверженія. Пришли поздно, я много пилъ пива, усталъ, проспалъ, но выполнилъ немножко долгъ мой (хотя 25 минутъ и въ долгу противъ положеннаго урока) безъ особенныхъ препятствій и затрудненій.

Суббота, 10-го Іюля.

Съ нѣкотораго времени погода стоитъ жаркая, и, разумѣется, дни ясны. И однако все вытерпѣть можно. Нынѣшнее утро я и не одѣвался, писалъ письма къ князю Александру Николаевичу и князю Платону Алек. Шихматову въ отвѣтъ на его письмо. Читалъ трактатъ о чувственной любви, которымъ очень дѣлаюсь доволенъ. Послалъ справить-ся, готова ли баня, обѣщанная мнѣ подполковникомъ Борисовымъ; не тутъ-то было, баня и не истоплена. Вотъ результатъ моего ласковаго и благодарнаго письма и милой обязательности Русскаго гарнизоннаго подполковника. И вообще Симферополь въ лицѣ знакомыхъ моихъ не очень гостеприименъ. Навялъ себѣ баню, хотя не такъ покойную, какъ прежняя, но все-таки могъ въ ней вытереться медомъ съ солью. Пріѣхавши домой, чувствовалъ необыкновенную жажду, и чего я не перепилъ: четыре чашки чаю, кружку пива съ сахаромъ, кружку воды пополамъ съ портеромъ и потомъ еще лимонадъ. Уснулъ скоро утомленный. Вижу

сонъ, будто я въ какомъ-то обществѣ, замѣчаю стачку посмѣяться надомною, я будто безъ парика, что-то хотѣло вскочить и вцѣпиться въ мою голову, но этого не воспослѣдовало, ибо что-то или кто-то за меня заступился и уничтожилъ коварный замыселъ. Ночью просыпаясь, чувствовалъ внутри себя прохладный вѣтерокъ, навѣвающий нѣкій образъ спокойствія и ясность мирную въ мысляхъ. Отчасти исполнилъ свой долгъ предъ Господомъ безъ особенныхъ препятствій, не досидѣлъ однако 25 минутъ.

Воскресенье, 11-го Юля.

Вмѣсто новаго собора я отправился въ такъ называемый старый соборъ, ветхое въ видѣ параллелограма зданіе. Я замѣтилъ въ храмѣ тѣже привычки молеельщиковъ, какія и въ прежнемъ соборѣ: мушкетеры и женщины, малые и большіе, безпрестанно подходили къ образамъ и ставили свѣчи.

Настоящаго священника не было въ церкви, а служилъ въ оной приглашенный старецъ; его осмидесятилѣтній возрастъ, разбитый отлѣтъ голосъ, внушали родъ уваженія; народа было немало. Оттуда пошли мы въ Католическій костелъ, и здѣсь народу немало. Совершалъ обѣдню Польскій пробощъ изъ Доминиканъ, видный и прекрасный мушкетеръ; служилъ ловко, громогласно, интонацію своего голоса прилеплялъ къ хоралу. Органовъ нѣтъ, но любители свербовали хоръ пѣвчихъ изъ мальчиковъ и охотниковъ. Одинъ здѣшній чиновникъ управлялъ хоромъ вмѣсто регента. Мнѣ понравились служеніе и чистота храма, въ коемъ почитателемъ мой хозяинъ. Послѣ обѣдни хозяинъ посѣтилъ меня, и я составилъ тетрадку съ надписью въ видѣ приглашенія къ боголюбивымъ дателямъ на заведеніе органовъ при церкви, и первый подписалъ на этотъ предметъ полу-имперіаль; въ слѣдъ за мною подписались Жегочевъ и самъ хозяинъ. Такимъ образомъ это дѣло началось, но по церкви еще много хлопотъ: надобно достроить домъ священнику и образовать школу для дѣтей. Послѣ обѣда гулялъ по саду. Сладострастные мысли вновь приступили обуревать меня. Долгъ свой исполнилъ безъ особенныхъ препятствій, минусъ однако 25 минутъ. День ясный и свѣтлый, ожидаю завтрашняго дня съ нетерпѣніемъ.

Понедѣльникъ, 12-го Юля.

Цѣлое утро провелъ въ чтеніи полученныхъ съ почты газетъ и журналовъ. Но чего съ нетерпѣливымъ и страшнымъ чувствомъ такъ ожидалъ, того не получилъ, именно: отвѣта царева на письмо князя. Получилъ однако письмо отъ сестры князя, исполненное обычнаго ро-

пота; она такъ выразилась: что лѣкарки брата ея проганиваютъ ее сквозь строй, и что князь въ полномъ ослѣпленіи въ отношеніи своей болѣзни. Еще получилъ письмо отъ отца Михаила, священника изъ села Воскресенья, что въ Бартеневщинѣ. Онъ сообщаетъ мнѣ разныя свѣдѣнія о моей родинѣ. Я узналъ о кончинѣ двухъ моихъ знакомцевъ, перваго: Михайла Ѳеодоровича Апурина и втораго: Василья Дмитриевича Третьякова. Между тѣмъ, какъ я проглатывалъ газеты, барыня моя поѣхала въ нарочно изготовленную для нея баню. Этого удовольствія она не имѣла мѣсяцевъ восемь. Послѣ обѣда, чтобъ не спать, пошелъ пошататься кое-куда; въ саду пустота и даже такъ, что страшно и ходить. Оттуда пошелъ по Татарскому городу, по узкимъ и извилистымъ его переулкамъ; мало встрѣчалъ людей, за то много было собакъ, такъ что страшно было одному идти. Встрѣчалъ Татарскихъ женщинъ закутанныхъ въ простыни и у которыхъ завязано лицо такъ, что одни глаза ихъ видно. Я ходилъ въ полуразгарѣ любовственныхъ неопредѣленныхъ предположеній; помысль грѣха упостояннися въ моей душѣ и потому, можетъ быть, не созрѣлъ въ фактъ, что еще Богъ милосердъ ко мнѣ. Это крокодилио яйцо потому лишь не порождается; что нѣтъ удобной на то okazji и что лицемѣріе мое удовлетворяется полумбрами. Боже, буди милостивъ ко мнѣ грѣшному! Пришедши домой, сообщаетъ меня князь Гагаринъ, обитатель южнаго берега, который съ женою своею бѣжалъ изъ идилическаго жилища своего послѣ кончины двухлѣтняго дитяти, единственнаго плода супружеской ихъ любви. Послѣ и я ихъ посѣтилъ; они остановились въ нижней комнатѣ у моего хозяина. Я утѣшалъ ихъ, какъ могъ. Къ нимъ пришелъ и Казначеевъ, который день ото дня болѣе мнѣ не нравится. Возвратившись домой, застаю за чайнымъ столомъ жены моей нашего Корейскаго управляющаго, хозяина моего; онъ пріѣхалъ нечаянно по причинѣ возникшаго дѣла противъ баронессы¹⁾, о которомъ ходатайствовать дана довѣренность соперницею баронессы сестрѣ князя, а сестра увлекла и самаго старика въ сплетеніе недостойное ни чистоты его сердца, ни служебнаго и почетнаго его состоянія. Я разспрашивалъ Карла Григорьевича и о другихъ новостяхъ нашихъ и узналъ, между прочимъ, что пациентка г-жи Турчаниновой все еще лежитъ въ ожиданіи выздоровленія и что то универсальное средство Анны Александровны въ отношеніи къ болѣзни заупрямилось²⁾. Погода стоитъ жаркая, и я пью очень много; изъ купленнаго ведра пива очень уже мало остается; я пью пиво съ сахаромъ и не помню во всю мою жизнь, чтобы пивалъ когда

¹⁾ Баронесса Беркегеймъ, дочь знаменитой баронессы Крюднеръ. Ю. В.

²⁾ О Турчаниновой и ея лѣченіи см. „Рускій Архивъ“ 1898 г. вып. 12-й.

яибудь подобный нектаръ. Сегодня послѣ обѣда выпилъ его кружекъ съ шесть. За то и сплю, какъ сурокъ.—Долгъ свой однако выполнилъ, но не досидѣлъ мнѣ 25-тъ; обязанность ко Господу моему выполнилъ безъ особенныхъ препятствій и даже съ нѣкоторымъ удобствомъ. Милосердователь не оставляетъ еще на произволъ злохудожную мою душу. Терпѣть еще меня, ждетъ исправленія; часть моя съ лицемъбрами, если Господь не удержитъ меня на краю пропасти.

Вторникъ, 13 го Юля.

Попутру я долго не одѣвался; читалъ трактатъ о чувственной любви; съ нѣкотораго времени я продолжаю чтеніе еще начатое въ Корейсѣ, подъ названіемъ Инстинкты животныхъ доктора Вирея. Я выходилъ въ лавку къ Карайму, чтобъ онъ оставилъ мнѣ нѣсколько фунтовъ чаю, мнѣ повравившагося; смотрѣлъ на работу золотого очешника; смотрѣлъ на вырѣзку печати; отдѣлка послѣдней вещи не такъ мнѣ понравилась: все это еще не кончено. Обѣдалъ у насъ Корейскій управитель. Послѣ обѣда вновь вышелъ и отправился къ городовому маклеру для протестовки векселя на Вас. Ник. Латкина, которому вышелъ вчерашняго числа годъ. Видѣлъ толстую его сожительницу. О какое безобразіе быть старухой и толстою! Предметъ, боюсь вымолвить, омерзительный, если только могутъ быть омерзительными невольные недостатки тѣла... Разговаривалъ съ купцомъ-Караймомъ; къ удивленію моему я узналъ, что онъ очень любопытенъ къ разнымъ полезнымъ свѣдѣніямъ и что у него есть даже и библіотечка изъ Русскихъ книгъ.

Пришедши домой, я зашелъ къ своему хозяину, съ которымъ имѣлъ разговоръ довольно интересный; онъ поразсказалъ мнѣ нѣсколько подробностей о Батюшковѣ, котораго, по приказанію правительства, отвозилъ въ Петербургъ изъ Симферополя.

Вотъ что онъ мнѣ пересказалъ. Поэтъ Батюшковъ былъ при Неаполитанскомъ посольствѣ подъ начальствомъ Штагельберга, который, по причинѣ броженія въ Неаполѣ удалившись изъ города на нѣкоторое разстояніе, посылалъ Батюшкова для доставленія ему свѣдѣній, что происходило между Неаполитанскими Карбонаріями. Батюшкова, наблюдая за Карбонаріями, плѣнился, какъ поэтъ, мнимо-обаятельною ихъ теоріей и Петербургскимъ друзьямъ своимъ написалъ восторженное письмо, которое попало въ руки правительства; Батюшкова вытребовали въ Петербургъ, онъ испугался немилости царской и впалъ въ меланхолію; потомъ отправили его на Кавказскія воды, а на зиму въ Симферополь, гдѣ онъ едва не зарѣзался бритвою въ припадкѣ своего безумія. Иногда въ свѣтлыя минуты посѣщали Батюшкова; въ то время Батюшковъ рассуждалъ здраво, но превратно, когда дѣло касалось до

правительственныхъ мѣръ. Онъ очень былъ, по собственнымъ словамъ, не воздерженъ въ отношеніи къ женскому полу и просто искалъ одного лишь животнаго наслажденія. Это, по мнѣнію доктора Лавга, т. е. хозяина моего, не одна ли изъ главнѣйшихъ причинъ помѣшательства его... Я сегодня такую каждую чувствовалъ, что едва ли бутылки двѣ не выпилъ пива, казавшагося мнѣ отменно вкуснымъ.

Среда, 14-го Юля.

Читалъ трактатъ о чувственной любви и пожелалъ читать продолженіе сочиненій г-жи Гюионъ *). Такимъ образомъ и приступилъ къ чтенію ея трактата объ очистительныхъ мытарствахъ. Боже мой. Какая пропасть зіяетъ разверстою предъ нашею злою волею! Какъ на мое грѣшное сердце подѣйствовало огнедышающее слово сей великой изъ таинницъ Божіихъ!... Весь день былъ подъ вліяніемъ сего чтенія. Поутру былъ старецъ Мюльгаузенъ; я очень былъ радъ, что могъ предложить ему нѣсколько интересныхъ и рѣдкихъ книгъ изъ моей бібліотеки. Ходилъ прогуливаться съ женою по публичному саду; никого въ ономъ. Заходили въ лавку; нужны были для жены два лоскутка матеріи. Хозяинъ мой и Жегочевъ провели у меня вечеръ.

Четвертокъ, 15-го Юля.

И нынѣшняя почта не исполнила моихъ ожиданій; она привезла мнѣ газеты и тощую записочку отъ сестры князя; потомъ принесли письмо изъ Москвы отъ жены любезнаго моего Смѣльского; письмо траги-комическое, въ которомъ она описываетъ невольное свое житіе въ сараѣ. Я безъ того располагался уже отправляться въ Евпаторію, какъ получаю записку отъ Казначеева, въ которой доказывается мнѣ чудесная польза грязей и морского купанья. Я зачитался газетъ и забылъ одѣваться, какъ вдругъ является ко мнѣ Евпаторійскій предводитель Офрейнъ, братъ г-жи Цейеръ, и предлагаетъ мнѣ тысячи различныхъ услугъ и между тѣмъ привозить нѣсколько печатныхъ наставлений и объявленій о Сакскихъ грязяхъ; сказываетъ, что докторъ Оже давнымъ давно припасъ уже мнѣ и квартиру о четырехъ комнатахъ въ Саккахъ. Г-нъ Офрейнъ очень кстати явился со своимъ знакомствомъ, и я не иначе пріѣздъ его счелъ, какъ видимымъ знаменіемъ къ себѣ милостиваго Божія Промысла. Потомъ пришелъ Жегочевъ и привелъ подполковника Фацарди, желавшаго, повидимому со мною познакомиться. Итакъ обѣдалъ у меня одинъ только хозяинъ; да и индѣйка,

*) Яркая представительница крайняго мистицизма. Род. 1648, ум. 1717. Она утверждала, что очищенная душа въ состояніи экстаза достигаетъ полнаго тождества съ Богомъ. Ея сочиненія весьма цѣнятся у хлыстовъ и молоканъ. Ю. Б.

но которую я звалъ, не такъ была хороша. Между прочими разговорами, онъ мнѣ разсказалъ, что былъ знакомъ съ Пушкинымъ и сдѣлалъ это знакомство во время пребыванія Пушкина въ домѣ Раевскихъ, еще когда былъ живъ старикъ отецъ ихъ. Пушкинъ приставалъ тогда къ моему хозяину, чтобъ онъ указалъ ему на хорошихъ дѣвушекъ въ Бахчисараѣ; хозяинъ, чтобъ отъ него отдѣлаться, началъ ему разсказывать легенду о пригожей Польшѣ, знаменитой плѣнницѣ Крымскаго султана. Пушкинъ не уставалъ выслушивать всѣ подробности этого событія, задумывался, отходилъ отъ общества и вотъ вдругъ однажды поутру приносить тетрадь, въ которой начертано было начало дивной и знаменитой поэмы: Бахчисарайскаго Фонтана. Всякій день прибавлялось нѣсколько стиховъ, которые съ восторгомъ выслушивали Раевскіе и мой хозяинъ. Послѣ для обзора мѣстности Пушкинъ ѣздилъ и самъ въ Бахчисарай. Такимъ образомъ, продолжалъ хозяинъ, я былъ причиною, что Русская литература обогатилась столь изящнымъ твореніемъ. Послѣ обѣда я уснулъ немножко и потомъ гулялъ съ женою и съ Жегочевымъ по публичному саду. Во время прогулки душа моя силилась творить молитву и возноситься ко Господу, но земляность столь мнѣ обычная пила меня долу, и я былъ безсиленъ.

Пятница, 16-го Іюля.

Поутру читалъ трактатъ о чувственной любви, сочиненіе г-жи Гююнь и нравы животныхъ доктора Вирея. Ходилъ смотрѣть, какъ подвинулись заказанныя работы, золотой очешникъ и вырѣзка печати; заходилъ къ Карайму поблагодарить его за блюдо Турецкой черешни, которую онъ вчера прислалъ ко мнѣ. Мнѣ эти ягоды не такъ-то понравились. Послѣ обѣда я съ женою и хозяиномъ посягнули на длинную прогулку за городъ, именно на дачу графа Воронцова. Домъ комфортабельный, садъ чисто содержимый и вѣтвистый, тѣни и прохлады много. Въ домѣ есть нѣсколько комнатъ занятыхъ книгами, я видѣлъ цѣлый строй *Mercure de France* и *Année littéraire*. Имѣнне, на которомъ находятся построенія графа, принадлежало нѣкогда вдовѣ знаменитаго Палласа, которая года за два только тому назадъ какъ умерла. Она жила очень долго въ Крыму, и мой хозяинъ зналъ ее какъ женщину, беллетристку и хорошо умѣвшую пожить. Она послѣднее время не такъ ладно жила съ мужемъ своимъ. Поздно мы возвратились съ прогулки усталые, измученные. Въ продолженіе дня религіозные мотивы толпились въ душѣ моей; я благодарю Господа, что Онъ не спосылаетъ душъ, столь грѣшной, нѣкоторый малый свѣтъ и помазаніе; боюсь только, чтобъ мое настоящее разсужденіе не было похоже на мысли самонагляднаго фарисея, которые всегда были Ему столь противны.

Суббота, 17-го Іюля.

Я забылъ вписать вчера въ мою тетрадь, что въ продолженіе ночи я видѣлъ какіе-то пестрые, обаятельные сны и въ числѣ первыхъ снился Гавр. Степ. Поповъ; съ нѣкотораго времени онъ часто мнѣ снится. Поутру я былъ въ должномъ расположеніи духа, молился, просилъ, взывалъ. Пришелъ ко мнѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ Еврей и принесъ кугель, который и ѣли мы за столомъ; Варинькѣ онъ не очень понравился. Послѣ обѣда я пошелъ въ садъ, оттуда къ Жегочеву, и вмѣстѣ съ нимъ пошли шататься по городу; въ одномъ мѣстѣ Татаркп насъ зазывали къ себѣ. Признаюсь, душа моя изъ молитвеннаго состоянія перешла въ подлую животненность; я, неопредѣлительно, по не мѣтѣ того инстинктуально, волился какимъ-то настроеніемъ сладострастія. Мы заходили къ здѣшнему совѣтнику Славинскому, любителю яко бы рѣдкостей. Этотъ чиновникъ и родился въ Крыму, обучался однако въ Харьковскомъ университетѣ. Я видѣлъ у него пространную карту Кавказа и сопредѣльныхъ съ оною странъ, дѣланную отъ руки въ Главномъ Штабѣ. Видѣлъ большой кусокъ горнаго хрустала, вѣсѣщій до шести фунтовъ; этотъ кусокъ принадлежалъ къ люстрѣ висѣвшей въ Цареградской мечети. Видѣлъ окаменѣлую сосну, колоссальную устрицу, тоже окаменѣлую и которую г. совѣтникъ считаетъ допотопною. Онъ, т. е. совѣтникъ, рассказывалъ, что съ нѣкотораго времени онъ отправляется къ духоборцамъ, дабы ихъ увѣщевать принять православіе; если они не согласятся, то большими партіями назначено высылать ихъ въ Арменію, въ Ахалцихскій уѣздъ; таковыхъ партій по 800 человекъ отправлено уже туда двѣ. Это распоряженіе сдѣлано по желанію графа Воронцова. Не смѣю входить въ дальнѣйшія сужденія.... По Запискамъ сенатора Лопухина и Кіевскаго профессора N.*) я имѣю не очень дурное понятіе о духоборцахъ. Еще показывалъ мнѣ совѣтникъ собственноручное предписаніе Потемкина Крымскому губернатору Жегулину; оно на простой бумагѣ и 1790 года. Очень усталые возвратились мы съ прогулки, и я весь закоптился сажею несовмѣстныхъ, непристойныхъ и постыдныхъ пожеланій. Окончилъ первый томъ трактата о чувственной любви, продолжалъ чтеніе г-жи Гююнь, писалъ письма къ племянницѣ, къ Ялтскому почтмейстеру и къ Дм. Ів. Попову, къ сему послѣднему по приказанію князя.

Воскресенье, 18-го Іюля.

Ходилъ къ обѣднѣ въ старый соборъ, стоялъ на томъ же мѣстѣ, какъ и прежде; народу было много, служба шла благоговѣнно. Оттуда

*) Т. е. Ореста Новицкаго. П. Б.

зашли въ Католическую церковь; народу также довольно; пѣвчіе пѣли согласно. Слова священника, которыя онъ выговаривалъ съ энергіею, увлеченіемъ и въ размѣръ хораля по интонаціи, особенно меня поражали. Вотъ эти слова, какъ они ни необыкновенны: «Свенты Боже, свенты мочны, свенты немертельны, змилуйсе надъ нами». Пришедши домой, я встрѣтился съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, служащимъ въ канцеляріи губернатора, который ономнясь обѣдалъ у меня; я оставилъ его и на выѣзшій разъ у себя обѣдать. Къ обѣду пришелъ и Жегочевъ. Офрейнгъ прислалъ, по своему общанію, ко мнѣ нарочнаго изъ Евпаторіи съ увѣдомленіемъ, что нанята для насъ квартира съ увѣдомленіемъ; онъ прислалъ и планъ оной. Я былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ и въ глубинѣ души моей возблагодарилъ Господа: это видимая Его помощь и ободреніе. Послѣ обѣда я нанялъ извозчика на парѣ; извозчикова физиономіи очень замѣчательна, его окладистая борода, хитрый взглядъ, блуза или родъ ея изъ неотбѣленнаго полотна и соломенная шляпа, оставили мое вниманіе. Мы поѣхали на дачу помѣщика Нотары; старый и тѣнистый садъ вблизи Салгира, есть гдѣ отдохнуть и разгуляться. Оттуда проѣхалъ я къ доктору Мильгаузену, чтобы проститься съ нимъ. Поутру читалъ маленькую книжку, которую давно уже выписалъ нарочно изъ Петербурга. Это различныя мысли маркиза Вильюра, настоящій вадемузмъ для мыслящаго. Долгъ свой по Господу исполнилъ безъ особенныхъ препятствій, не досидѣлъ однако минутъ двадцать. Вынулъ изъ шкатулки и послѣдній денежный запасъ свой, состоящій изъ 400 рублей. Рассчитался кое съ кѣмъ, и между прочимъ, съ аптекаремъ, который, какъ мнѣ кажется, человѣкъ прекрасный и честный.

Понедѣльникъ, 19-го Іюля.

Привезли почту, но въ ней не было никакого рѣшенія. Я получилъ письма отъ князя, отъ сестры его, изъ Кривозерскаго монастыря, отъ настоятеля Паисія и отъ инспектора почтъ Подолинскаго, въ которомъ приложены были стихи, назначенные для моего альбома. Когда нибудь на досугъ я впишу въ свой дневникъ эти стихи. Мы пошли съ хозяиномъ своимъ Лангомъ въ здѣшній Приказъ Общественнаго Призрѣнія, гдѣ я, на основаніи узаконеній, думалъ заложить банковый билетъ и занять денегъ; я припасъ билетъ въ 2000 рубл. серебромъ и думалъ взять 1000 рублей. Просьба, въ слѣдствіе обязательнаго проворства члена Приказа, сейчасъ же была написана и подписана мною, а членъ Приказа взялъ ее съ собою и понесъ къ губернатору съ тѣмъ, чтобы сегодня и выдать мнѣ деньги. Покуда вы ходите, сказалъ я члену, позвольте мнѣ зайти домой и отправить мои

письма. Я возвращаюсь домой, отправляю письма и дожидаюсь возвращенія челоѣка, какъ вдругъ сказываютъ мнѣ, что желаетъ видѣться со мною почтмейстеръ. Почтмейстеръ входя поздравляетъ меня съ полученіемъ царской милости: Государь пожаловалъ мнѣ 5400 рубл. денегъ. Я ожилъ и очень обрадовался. Получить пособіе въ то самое время, когда я вполонину занялъ уже деньги, было очень кстати. Милость Божія была очень для меня свѣжа и проникновенна. Въ это самое время пришедшій челоѣкъ объявилъ, что пріѣхалъ Гавр. Степ. Поповъ изъ Петербурга. Вскорѣ и самъ Поповъ явился; я обрадовался ему, какъ любезному родственнику. Поповъ объявилъ мнѣ, что онъ не одинъ пріѣхалъ, а привезъ съ собою для компаніи и извѣстнаго благопріятеля моего Власенкова, который по уходѣ Гавр. Степ. и самъ зашелъ ко мнѣ; я принялъ его радушно. Потомъ всѣ мы собрались у Попова обѣдать въ здѣшнемъ трактирѣ; Шампанскаго, не Крымскаго, а изъ Одессы привезеннаго, было довольно, мы подпили порядочно; я однако остерегался. Много было разговоровъ и даже нескромныхъ. Жегочевъ, который тутъ же находился, болѣе всѣхъ насъ разболтался, и мы очень откровенно поговорили о нашемъ statu quo. Досталось и сестрѣ князя и Козловскому. Я однако напомнилъ Попову, что надобно ѣхать, но онъ выѣхалъ поздно и вѣроятно очаровательныхъ картинъ Алушты не увидить. Встрѣтился съ нами князь Херхеулидзеъ, градоначальникъ Керчи, который остановилъ отправленіе; почти въ сумеркахъ покатались они въ дальній путь. А мы съ княземъ Херхеулидзевымъ зашли на квартиру къ Жегочеву, который накормилъ гостя простоквашею. Князь челоѣкъ умный, хотя и нервозный; онъ отличается ярко между чиновниками графа Воронцова. Онъ рассказывалъ мнѣ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ одномъ курганѣ: золотыя вещи, серебряный подносъ, женскія вещицы, какъ бы сейчасъ только сдѣланныя. Одну изъ таковыхъ вещей Государь подарилъ Настѣднику съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее, кажется мнѣ, своей супругѣ. Ночь провелъ спокойно и исполнилъ долгъ свой, какъ немощъ и свѣжая оргія мнѣ то дозволили. Фуру съ кухаркою и мальчикомъ Сергѣемъ отправили мы впередъ въ Евпаторію.

Вторникъ, 20-го Юля.

Поутру принесли мнѣ совсѣмъ готовую печать: старикъ Еврей вырѣзалъ на ней гербъ мой; масса печатки состоитъ изъ такъ называемаго toraze fushé, дымчататаго топаза. Князь Ал. Ник. предъ отправленіемъ своимъ изъ Петербурга подарилъ мнѣ ее. Старикъ Еврей не безъ достоинства; онъ въ своей жизни производилъ необыкновенныя вещи: въ формѣ малой печати онъ вырѣзалъ всѣ гербы Имперіи Россійской

съ относительными ихъ изображеніями, и Государь Императоръ пожаловалъ ему брильянтовый перстень. Другой Еврей, золотыхъ дѣлъ мастеръ, дѣлавшій мнѣ золотой очешникъ, кажется, не такъ честно окончилъ свой подвигъ; онъ испортилъ его и даже, можетъ быть, не доложилъ золота, а по словамъ его, онъ будто бы передожилъ его; извѣстно только то, что въ этомъ дѣлѣ было моихъ четыре съ половиною червонца. Потомъ пришелъ ко мнѣ еще Еврей, у котораго я выбралъ разныя матеріи, какъ-то разнаго рода полотень для бѣлья, кисеи для жены и Вариньки, матеріи для людского платья, одѣяль, словомъ: полный ремонтъ для гардероба нашего. Я рѣшился дозволить себѣ приобрести Голландскаго полотна для дюжины рубашекъ и покупалъ его за аршинъ по 2 р. 10 к. и по 2 р. 50 коп. такое, за которое плачивалъ въ Петербургѣ за каждый аршинъ отъ 7 до 9 р. Дай Богъ здоровья Царю, я могъ все это сдѣлать, и это занятіе немало времени у меня отняло. Обѣдалъ я у своего хозяина, Петра Иванов. Ланга; онъ пригласилъ къ обѣду стат. совѣт. Стевена, начальника агрономическихъ, ботаническихъ и гортикультурныхъ заведеній южнаго края. Стевень человѣчикъ невзрачный, долженъ быть нервозный и отчасти Нѣмецъ, хотя и Финлянецъ родомъ. Русскихъ онъ трактуетъ въ родѣ султана. Дѣтъ тридцать тому назадъ, живя въ Кизлярѣ, говорилъ онъ, я зналъ въ квартировавшемъ тамъ полку трехъ майоровъ, которые не знали грамоты. Мнѣ кажется, что ему неприлично было бы мнѣ о томъ рассказывать. Стевень мнѣ не очень понравился. Вечеромъ приходилъ ко мнѣ пить чай Караимъ, у котораго я забиралъ разные запасы; я его дотчивалъ мушъ-банастеромъ. Жегочевъ и хозяинъ составляли также мою компанію. Цѣлый день я былъ разсѣянъ, но радостенъ и доволенъ. Богу благодареніе, Онъ видимо милосердствуетъ меня. Я очень былъ радъ, что могъ женѣ моей и Варинькѣ сдѣлать что-нибудь угодное и пріятное. Долгъ свой ко Господу исполнить, какъ могъ, безъ особенныхъ затрудненій.

На слѣдующій день по утру Ю. Н. Бартеневъ выѣхалъ въ Евпаторію гнѣдиться Саябскими гризями.

(Продолженіе слѣдуетъ).